

«... О, худо он сделал»

«Ненавидь грех, но люби грешника» – вот принцип православной аскетики, не позволяющий отождествлять человека с его злыми делами. Но даже ненависть к чужому греху может оказаться духовно опасной. Ведь тот, кто внимательно рассматривает поведение других, сам рискует через осуждение греховных поступков незаметно впасть и в осуждение человека, который их совершает.

Грех достоин ненависти – но каждому, желающему своего спасения, необходимо научиться ненавидеть грех, прежде всего, в себе самом. О чужих же грехах и о правильном отношении к ним Авва Дорофей писал следующее: *«Действительно случается, что брат погрешает по простоте; но имеет одно доброе дело, которое угодно Богу более всей жизни, – а ты судишь, и осуждаешь его, и отягчаешь душу свою. Если же и случилось ему преткнуться, почему ты знаешь, сколько он подвизался и сколько пролил крови своей прежде согрешения? Теперь согрешение его является пред Богом, как бы – дело правды. Ибо Бог видит труд его и скорбь, которые он, как я сказал, подъял прежде согрешения, и – милует его. А ты знаешь только сие согрешение, и тогда как Бог милует его, ты – осуждаешь его и губишь душу свою. Почему ты знаешь, сколько слез он пролил о сем пред Богом? Ты видел грех, а покаяния его не видел».*

Синдром Паниковского

Даже очень грязный человек может почувствовать себя чистым и опрятным, если встретит бедолагу еще более грязного и неряшливого, чем он сам. Беда в том, что наша поврежденная грехом природа все время

стремится к самоутверждению за счет признания другого человека более низким, плохим, греховным.

Но если обратиться к древним Отцам, то их мнение об уместности обличения чужих грехов будет категоричным:

Однажды братия спросили преподобного Пимена Великого: «Авва, следует ли, видя согрешение брата, умолчать и покрыть грех его?» «Следует, – отвечал преподобный Пимен. – Если покроешь грех брата, то и Бог покроет твой грех». «Но какой же ответ ты дашь Богу, что, увидев согрешающего, не обличил его?» – снова спросили у него, и Авва ответил: «Я скажу, Господи! Ты повелел прежде вынуть бревно из своего глаза, а потом извлекать сучок из глаза брата – я исполнил повеление Твое».

И если в вопросе обличения грешников мы не пожелаем уподобляться Пимену Великому, то с большой степенью вероятности рискуем уподобиться Михаилу Самуэлевичу Паниковскому, который обличал бухгалтера Берлагу и тихо радовался тому, что на свете есть личности еще более жалкие и ничтожные, чем он сам.

То, что труднее всего

В сказке французского летчика Антуана де Сент-Экзюпери одинокий король говорит Маленькому Принцу удивительные слова: *«... суди себя сам. Это самое трудное. Себя судить куда труднее, чем других. Если сумеешь правильно судить себя, значит, ты поистине мудр».* Христианство призывает людей именно к такой мудрости – научиться осуждать лишь собственные грехи, оставляя чужие ошибки и несовершенства праведному и милосердному суду Божию».

О грехе осуждения

«Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить.»

Евангелие от Матфея 7:1

Об осуждении

Почему Христианство так категорично запрещает осуждение ближнего? Ведь осуждают люди друг друга отнюдь не за выдающиеся заслуги и добродетели, а за безнравственное поведение. Другими словом, за грехи. Но разве грех не достоин порицания?

Преступление без наказания

Стремление к добру естественно для каждого из нас. Поэтому заповеди «не убий», «не укради», «не желай жены ближнего» даже для человека, который еще только знакомится с жизнью Церкви, не становятся открытием чего-то принципиально нового и неожиданного. Но вот **евангельская заповедь о неосуждении очень часто вызывает недоумение**. Ведь никто не станет порицать кого-либо за добрые и полезные дела. Поводом к осуждению может стать лишь безнравственное поведение, неблаговидный поступок или преступление. Но почему же тогда Церковь так настойчиво призывает христиан никого не осуждать ни делом, ни словом, ни даже мыслью? Ведь очень часто бывает, что человек явно грешит на глазах у всех, и никаких сомнений в его греховности не может возникнуть. С точки зрения человеческой логики, это вполне нормально: преступление требует наказания, а грех – возмездия.

Однако евангельский принцип отношения к грешникам решительно противоречит подобному рассуждению. Своей земной жизнью Иисус Христос показал людям ту норму человечности, к которой все мы призваны, и поэтому любой поступок Христа, описанный в Евангелии, является эталоном поведения для каждого человека, искренне стремящегося исполнить волю Божию.

Что же говорит Евангелие об отношении Христа к грешникам? Только одно: **Он их не осуждал, но относился к ним с любовью и жалостью**. Христос не осудил женщину, взятую в прелюбодеянии (Ин. 8:11); не осудил жителей Самарянского селения, отказавшихся дать Ему пищу и кров (Лк. 9:51-56); и даже Иуду, пришедшего предать Его на мучительную смерть, Господь не исключил из числа Своих друзей (Мф. 26:50). Более того: первым человеком, которого Христос ввел в Рай, был покаявшийся разбойник, распятый за свои грехи (Лк 23:32-43). Евангелие упоминает лишь одну категорию людей, которая подверглась резкому осуждению - книжников и фарисеев. Это была религиозная элита иудейского народа – то есть именно те люди, которые как раз и считали себя вправе осуждать грешников.

Принцип бинокля

Грех в Православии понимается как неправильно, не вовремя и не попад реализованный импульс человеческой природы, который сам по себе вполне здоров, но, будучи употребленным не по назначению, стал вредным и опасным для человека. Грех осуждения не является исключением из этого правила. Создав человека безгрешным, Бог вложил в его природу совесть как способность отличать добро от зла, – и ненависть к греху как защитную реакцию на столкновение со злом. Отпав от Бога, человек потерял Рай, но эту естественную способность распознавать зло и ненавидеть грех он сохраняет по сей день. Правда, с одной печальной оговоркой: **после грехопадения человек отчетливо видит зло, но только в других людях, и ненавидит он теперь исключительно чужие грехи**. Такое духовное устройство и порождает отношение к окружающим, которое принято называть в пра-

вославной традиции грехом осуждения. Неверно употребленная способность, словно чудовищный бинокль неимоверно увеличивает перед нашим духовным взором все недостатки окружающих и их злые дела. Но когда мы через этот же бинокль пробуем взглянуть уже на самих себя, он начинает столь же неимоверно уменьшать все наши грехи, делая их в наших глазах не заслуживающими внимания.

Что мы знаем друг о друге?

Парадокс греха осуждения заключается в том, что, взявшись судить о недостатках и грехах другого человека, мы на самом деле судим себя, хотя, как правило, даже не подозреваем об этом. Осуждая кого-либо, мы устанавливаем некий уровень нравственной оценки человеческого поведения, ниже которого и сами не имеем права опускаться. Скажем, осудив в душе грубияна-начальника, орущего на подчиненных по поводу и без повода, мы тем самым, определяем и для себя категорическую недопустимость подобного поведения. Однако, вернувшись с работы домой, можем тут же сорвать накопившиеся за день раздражение и усталость на ни в чем не повинных родственниках. Так проявляет себя удивительный закон духовной жизни, который преподобный Иоанн Лествичник сформулировал следующим образом: *«Если в самом деле истинно, что каким судом судите, таким будете судимы (Мф. 7:2), то, конечно, за какие грехи осудим ближнего, телесные или душевные, в те впадем сами; и иначе не бывает»*. Причина такой жесткой зависимости в том, что в другом человеке мы можем опознать и осудить лишь те греховные склонности, которые есть в нас самих, даже если этому человеку они вовсе не свойственны.